

Даша Литовская

**ДРУГ ОТЦА.
ВСТРЕЧА НЕИЗБЕЖНА**

УДК 7.04
ББК 85
Л64

Л64 **Литовская Д.**
Друг отца. Встреча неизбежна / Даша Литовская – М.: Литнет, 2025. – 232 с.

ISBN 978-5-521-94670-9

Их встреча была неизбежна, и она непременно случилась. Вот только Сонька уже повзрослевшая и самодостаточная. «Склеила свое разбитое вдребезги сердце, малышка? Собрала по кускам?» А Данис...? Способно ли его ледяное сердце на чувства? И будет ли он наказан за свою бессердечность?...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94670-9

© Литнет, 2025
© Д. Литовская, 2025

Глава 1

Софи

Мне хочется улыбаться. Глупо и широко. А еще снова и снова вдыхать аромат кориандра, сандала и табака. «Эгоист». Этот запах впитался в ткань его белоснежной рубашки, за ворот которой я так упрямо цепляюсь. И в кожу его тоже впитался.

И в меня.

Пропитал насквозь.

Я на ощупь нахожу твердые губы. Целую. Кусаю.

Нутро плавится от порочных желаний. Нежную кожу лица щиплет от колючей, грубой щетины.

Да! Да! Это он! Он мой мужчина!

Я это инстинктивно чувствую. Какая логика? Какие доводы рассудка? Пошли они к чертовой матери, когда есть то самое животное, изнуряющее чувство внутри.

Я жажду этого человека. Мне хочется его выпить до дна.

Его влажный язык проникает в мой рот. Скользит по зубам. Заставляет губы дрожать.

Его влажный язык...

Стоп. Его влажный язык? Слишком влажный. Да и на грудь что-то сильно давит.

Я хмурюсь, стараясь утихомирить пульсацию внизу живота.

«Погоди. Что-то не так».

Поцелуй ощущается совсем не таким, каким обязан быть между сгорающей от страсти парой. Я расстроено хмурюсь, ведь мое сознательное уже взяло верх над бессознательным и дало сигнал к пробуждению.

– Ба-ани-и-ис! – обиженно ворчу я и ссаживаю с себя атакующего щенка.

Но двухмесячный бигль со свисающими ушами и неумным желанием меня облизать не намерен так просто сдаваться. До последнего тянет длинный мокрый язык.

– Ну ты и... Блин, такой сон не дал досмотреть.

Я с недовольным видом переворачиваюсь на другой бок. Бани тут же, весело виляя хвостом, перемахивает через меня и снова принимается ласкаться.

– Ладно-ладно. – Я зажмуриваюсь сильнее. – Еще пару минут, хорошо? – Кладу руки под голову. – Сейчас мы только доцелуемся... Черт! А который час?

Подскакиваю на мягкой кровати, немного пружиня, и хватаюсь за телефон.

– Епрст! Банис, – я хватаю щенка на руки и целую его, – ты ж моя умница! Спасибо, что разбудил!

Настойчивой трели будильника я, как обычно, не слышала.

– Знаю-знаю, с тобой надо погулять, чтобы ты сделал свои делишки, – сварливым тоном говорю я, натягивая длинное вечернее платье. Оно еще со вчерашнего дня ждет своего звездного часа, одиноко висит на дверце гардеробного шкафа. – Но я жутко опаздываю, родной! – извиняюсь перед своим подопечным. – Я кому-нибудь позвоню. Улю попрошу с тобой погулять, хорошо? Ты ведь не обидишься, правда?

Наспех насыпаю Банису корм и наливаю в миску свежей воды, поскольку вчерашнюю этот господин пить отказывается. Далее несусь чистить зубы, споласкиваю лицо холодной водой и подкрашиваю ресницы.

«Вот же растяпа! Умудриться проспять в такой важный день!».

Уже в такси пытаюсь уложить волосы, стараясь довести внешний вид до приемлемого человеческого.

– Где ты была? Ты что, проспала? – набрасывается на меня Ингрид, стоит только переступить порог галереи.

– Ой, мамочки! – прикладываю руку к гулко стучащему сердцу.

Галерея сейчас больше похожа на муравейник, где муравьишки-рабочие на спинах таскают с места на место огромные картины.

– Эту на южную стену, – отдает Ингрид очередной приказ и поворачивается ко мне. – Так, через час уже открываемся. – Придирчиво осмотрев, она поправляет мои волосы и недовольно поджимает губы. – Соня. Ну Со-оня, такой важный день. Твоя первая выставка в родном городе.

– В следующий раз вообще не буду ложиться спать! – совершенно искренне обещаю я.

Больше, чем я сама ругаю себя, не способен никто. Взывать к моей совести бесполезно, она вообще до сих пор не проснулась.

– Ладно, – отмахивается она, – это все потом. А сейчас скажи-ка мне вот что. – Она почти насильно разворачивает мое тело к центральной стене. – Я решила ее в самый центр. Ты не против?

По моей спине пробегает вереница мурашек.

Она – это картина. Мой «Поцелуй» – полотно, на котором сконцентрированы все чувства, которые я испытываю к одному-единственному мужчине.

У меня холодеют ладошки. С тех пор, как картина появилась на свет, я старалась на нее не смотреть. Просто отдала Ингрид.

На ней изображены мужчина и женщина. Нет, не я и он, просто абстрактная пара, чьи губы лишь слегка соприкасаются. Однако в их глазах плещется раскаленная лава, а тела тянутся навстречу друг другу, словно поддаваясь магнитам, вшитым в грудину. Они бесстрашно несут свои души в самое жерло вулкана, не боясь оставить вместо себя горстку пепла.

– Я думала... – выдыхаю я. – Ингрид, я считала, что ее здесь вообще не будет. Ну или повесить ее во второй зал... хотя бы...

Она закатывает глаза.

– Милая, ты поехала крышей? Эта картина – бриллиант в твоей коллекции! Какие тона! Какая экспрессия! Сколько страсти! Эмоций! Нет, ты просто не можешь прятать ее от своих поклонников! Они возненавидят тебя.

Я разглаживаю пальцами переносицу и поднимаю вверх руки.
– Ладно, хорошо.

Все равно никто не узнает на этом полотне меня и его. В конце концов, это просто... картина. Искусство. Кому есть дело до того, какие эмоции я испытывала, пока писала ее?

– Ты заработаешь на ней состояние, – говорит Ингрид, обнимая меня за плечи.

Мне хочется привычно ответить: «Да кому это нужно?», но я себя останавливаю.

Нужно.

Чуть меньше года назад Ингрид совершенно случайно попала в клуб «Небеса». Уже на следующий день она связалась со мной и попросила показать остальные работы. Потом призналась, что живет и работает в Венгрии, и предложила сотрудничество.

Ингрид – продюсер и, учитывая, сколько выставок она сумела мне организовать за последние месяцы, довольно успешный. Мы успели открыться в лучшей галерее Берлина, съездили в Прагу, произвели фурор в Лондоне и покорили всех критиков в искушенном Париже.

Так что, да. Все-таки нужно.

У меня появилось много фанатов, а работы раскупаются с космической скоростью. Но я, кажется, до сих пор до конца этого не осознаю.

Часом позднее я придиричиво окидываю свое отражение в зеркальной стене. На мне сегодня изумрудное платье.

«Как цвет его глаз», – мелькает в голове.

Я резко втягиваю воздух и с силой отщелкиваю резинку на запястье. Я делаю так каждый раз, когда думаю о чем-то, о чем не должна.

– Все, все, все, милая, – торопливо хлопает в ладоши Ингрид, – потом на себя полюбуешься. Вечером. Когда в кармане будет еще пара заработанных миллионов. Я даю звонок. – Она подходит чуть ближе и крепко обнимает меня. Эти объятия уже превратились в ритуал перед каждым открытием. – Открываемся, дорогая.

– Ну что я тебе говорила? – с чувством глубочайшего триумфа улыбается Ингрид.

Она застаёт меня в зале с бокалом шампанского в подрагивающей руке. Честно признаться, такого ажиотажа я не ожидала. Здесь собрался едва ли не весь город.

Нет, Улька, конечно, говорила, что я теперь местная знаменитость. Но я думала, что она как обычно преувеличивает. Да и самой оценить возможности не нашлось. В город я возвращалась набегам, на пару дней, в перерывах между выставками по миру.

– Ее купили, да?

Я боязливо закусываю губу и пытаюсь разобраться в своих чувствах. Сомневаться в том, что полотно с поцелуем и в самом деле приобретут, было бы глупо. У Ингрид глаз на такие вещи наметан.

Но я... как будто не желаю видеть эту картину. И в то же время не хочу ее отдавать. Такое чувство, что это неправильно. Словно вручить постороннему человеку частичку себя.

Ингрид достает телефон из сверкающей сумочки и набирает на калькуляторе семизначную сумму. Я изумленно округляю глаза, а она лишь покачивает темными волосами, преисполненная чувством собственной важности, и гасит экран мобильного.

– Кто молодец? – играет она бровями. – Я молодец. Я и сама не предполагала, что так быстро заберут. Все-таки ценник заломила неслабый. Но-о... – Ингрид загадочно улыбается и с еврейским акцентом продолжает: – кажется, твои фанаты далеко не бедные люди.

Я напряженно смеюсь. В душе копошится что-то неясное. Что-то, чему я сама еще не в силах дать определение.

С горящим взглядом Ингрид выхватывает в толпе очередного известного критика, бросает мне:

– Ладно, развлекайся.

И скрывается в толпе гостей.

Я тихо пробираюсь к картине и встаю напротив нее. Скольжу грустным взглядом по табличке «Продано» внизу полотна и сильнее сжимаю в пальцах ножку бокала.

Покупатель будет любоваться на эту картину, гадая, кто эти мужчина и женщина. А может, мечтая хоть раз испытать те же огненные чувства. Или предаваться воспоминаниям о безвозвратно ушедшей любви. Но я ее уже никогда не увижу.

Медленно прикрываю веки, в миллионный раз повторяя про себя мантру: «Пора отпустить. Он не любит тебя. А ты не любишь его. Эта была просто похоть. Запретная страсть. Маленький грязный секрет».

Только вот почему-то от «просто похоти» порой сильно ноет слева под ребрами. И думаю я об этом секрете чересчур часто. Красный след на запястье от ударов резинкой вообще не проходит. И в это платье я влюбилась лишь из-за цвета, который так напоминает...

Щелк!

Я резко распахиваю глаза. Привычка бить себя по запястью, наработанная за долгие месяцы, спасает меня в очередной раз. Я встряхиваю головой, силясь сбросить оцепенение, и натягиваю вежливую улыбку. Посылаю картине прощальный взгляд и уже собираюсь вернуться к гостям, когда слышу за спиной короткое, но такое ласкающее:

– Софи.

Раз, и мир, наполненный живыми людьми, внезапно начал меркнуть. Снова сузился до одного человека.

Я оборачиваюсь.

Вуаль возвращается. А под ней только он, и больше никого.

Губы раскрываются сами собой, судорожно втягивая глотки кислорода. Ноги слабеют. Перед глазами дрожит наполненная людьми галерея.

И он.

Данис.

Данис Асадов.

Миллиардер, разбивший мне сердце, и лучший друг папы.

Мужчина, которому я подарила невинность.

Человек, чье имя отпечаталась в моем сознании, и тут не поможет никакая резинка.

– Данис, – произношу я, стараясь скрыть сорвавшийся с губ рваный выдох.

А после улыбаюсь, вперив в него голодный взгляд.

Данис по-прежнему высок, красив, невероятно обаятелен и все так же недостижим. Сколько бы я ни пыталась обмануть себя в прошлом, реальность неутешительна: он никогда не воспримет меня, как равную. Для него я так и останусь крошкой Софи. Умницей-дочкой лучшего друга.

– Здравствуй, – отвечает он, слегка приподняв уголки губ в улыбке.

За последние десять месяцев эти губы снились мне всего лишь раза триста четыре. Ну это навскидку... примерно.

Я скольжу взглядом по небрежной укладке, по красивой щетине, по изумрудным глазам, так похожим на цвет моего платья.

– Здравствуй, – шепчу я.

И все, мы молчим, не в силах разорвать зрительный контакт. Минуту. А может, и целую вечность. С ним время течет совершенно иначе.

Дан первым нарушает молчание. Сжимая в руке стакан виски, делает шаг навстречу. Моя грудная клетка словно поражена параличом или она просто отказывается мне подчиняться, из-за чего я не в силах вдохнуть, и кислород практически не поступает в кровь.

Впрочем, Дан не спешит ко мне прикоснуться. Он всего лишь встает рядом. Слишком, черт побери, близко. И устремляет взгляд на картину.

Я тоже на нее смотрю и вижу нас с ним.

Все внутри начинает дрожать от мысли, что Дан внезапно дога-

дается о героях, изображенных на полотне. Узнает в них себя. Узнает нас.

Мы не спешим о чем-то расспрашивать друг друга, как старые знакомые, которые давно не общались. Не улыбаемся друг другу натужно. Просто смотрим на полотно, пока наши плечи слегка соприкасаются.

Я на миг прикрываю ресницы и только тогда делаю первые вдохи. Заранее знаю, что нос начнут щекотать ноты сандала и табака, а сознание будоражить воспоминания о той самой ночи.

– Красиво, – после небольшой паузы подает голос Дан.

Я поднимаю на него взгляд.

– Спасибо, – произношу я одними губами и выдавливаю слабую улыбку.

Сложно соответствовать нормам приличия, когда внутри землетрясение в девять баллов.

Еще какое-то время мы продолжаем молча смотреть на картину. Каждый думает о своем. Или Дан думает о чем-то своем, а я пытаюсь собрать в кучу разбежавшиеся трусливыми зайцами мысли.

– Как ты, Софи? – неожиданно повернувшись, интересуется Дан.

Я теряюсь. Но только на миг. Делаю глоток щекочущего горло шампанского, чтобы выиграть время. Я представляла себе эту встречу навскидку раза триста четыре.

– Все хорошо. – Звучит банально, но ведь так и есть. – А ты? Решил остаться здесь жить?

Он молчит. Лишь слегка улыбается, оставляя мой вопрос без ответа.

– Ты очень... – Дан спотыкается на полуслове, – талантлива, – заканчивает, и мне до рези в глазах любопытно, что он заменил этим словом.

– Спасибо.

Я снова облизываю пересохшие губы, а Данис пристально наблюдает за движениями моего языка. Мы стоим рядом. По моим венам несется электрический ток.